

П. Норвик

**О ЛЕКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
ЭСТОНСКОГО ПРИБРЕЖНОГО ДИАЛЕКТА
И СОСЕДНИХ ЯЗЫКОВ***

В статье рассматривается влияние соседних языков на прибрежный диалект эстонского языка. Прежде всего обращается внимание на западные говоры прибрежного диалекта, в которых встречается много финских заимствований. Богат финскими заимствованиями и восточный говор Вайвара. Приводятся также примеры русских заимствований в рассматриваемом диалекте. Одной из главных причин заимствования автор считает тесные контакты между соседними народами, а также переселение финнов и русских в прибрежные деревни Северной Эстонии.

Ключевые слова: лексикология, языковые контакты, эстонские диалекты, финские заимствования, русские заимствования.

Диалекты эстонского языка подразделяются на две основные группы: североэстонские и южноэстонские. К североэстонским относятся центральный, западный, островной и восточный диалекты. Группа южноэстонских диалектов – мультгиский, тартуский и вырусский (вырусско-сетуский). Но языковеды считают самостоятельной группой и северо-восточный прибрежный диалект, который объединяет прибрежный и северо-восточный диалекты. В прибрежный диалект входят говоры приходов Йыэляхтме, Куусалу, Хальяла, Виру-Нигула, а также северной и восточной частей Вайвара. К северо-восточному диалекту относятся говоры Алутагузе: Люганузе, Йыхви, северной части Ийзаку и западной части Вайвара. Их отличают прежде всего контакты с соседними говорами и языками. Северо-восточный прибрежный диалект, близкий к финскому языку, распространен на севере и северо-востоке ареала – от Таллинна с полуострова Виймси и, расширяясь вглубь материка, до реки Наровы. Прибрежный диалект имеет много общего с финским языком, а в северо-восточном отмечается также влияние водского и ижорского языков.

* Статья представлена на Международной научной конференции «Uralo-indogermanica», посвященной лингвисту Р.-П. Риттеру (1938–2011). (16–17 октября 2014 г., Нарвский колледж, филиал Тартуского ун-та, организатор – старший преподаватель Силард Тот.)

Поскольку в последние десятилетия я более плотно занималась прибрежным диалектом, обращусь к нему. Еще лет десять назад можно было встретить хороших информантов. Многие носители языка, с которыми я работала, были потомками финнов. Мне посчастливилось слушать звучание этого своеобразного старинного диалекта из уст Э. Лилхейна (1916–1999) и его сестры Н. Микивер (1923–2003).

Своеобразие северо-восточного прибрежного диалекта по-прежнему привлекает внимание лингвистов как в Эстонии, так и в Финляндии. О лексике северо-восточного прибрежного диалекта эстонского языка писали С. Сухонен [15; 16] и Т. Сёдерман [17], о лексике восточного ареала этого диалекта – К. Тойкка [19]. Происхождение прибрежной лексики детально исследовала С. Бьёрклёф [4] в дипломной работе, которую защитила в 2012 г. в Хельсинкском университете. В настоящее время она изучает своеобразие лексики северо-восточного диалекта.

Первые поселенцы достигли Эстонии вскоре после того, как ок. XI в. до н. э. сошел ледник, покрывавший материк в ледниковый период. Побережье Северной Эстонии после таяния ледника долго оставалось под водой. Первые следы поселений человека относятся к каменному веку. На холме Ламмасмяги, что находится недалеко от современного города Кунда, в середине каменного века (8700–4950 гг. до н. э.) уже существовало поселение, одно из древнейших на территории Эстонии. Носители кундаской культуры считаются прибывшими с юга европеоидами. Хотя позже население пополнялось переселенцами из разных краев, современные эстонцы несут в себе генетическое наследие и носителей кундаской культуры [18. С. 20].

По мнению Я. Раукко и Й.-О. Эстмана, язык и культуру нельзя отделять друг от друга: так, языковой ареал Балтийского моря можно рассматривать как отражение балтийской культуры, и, наоборот, культурное пространство Балтийского моря частично представляет собой результат языковых контактов [10. С. 6]. Финский залив не только разделял народы, но и служил связующим звеном между ними. Тесные контакты между эстонскими и финскими поморцами существовали с древних времен. Осуществлялись они в основном двумя путями: товарообменом и ловлей рыбы эстонскими рыбаками у южного побережья и островов Финляндии. Взаимообмен товарами получил название «дружеская торговля» (ф. *seprakauppa*). Зародился он еще в средние века (по мнению К. Вилкуна, в XIII в., когда в центре и на востоке северного побережья Финского залива сформировалось постоянное население [21. С. 17]). «Дружеская торговля» была распространена в Вирумаа, где рыбы водилось мало. Финны, преимущественно островитяне (Тютарсаари, Суурсаари и Лавансаари), меняли в Эстонии свою рыбу на хлебные злаки и другие сельскохозяйственные товары. Важнейшими портовыми и торгово-обменными пунктами были Маху, Тоолсе и Верги. Торговые отношения устанавливались между деревнями и отдельными семьями. Финны приезжали с женами и детьми. У каждого в Эстонии были друзья – *seprat* (в финских диалектах эстонское заимствование), знакомые хutorяне, у которых в обмен на салаку они получали зерно.

Большую роль сыграла транспортировка картофеля. Жители финских островов прибывали в порты Нарвы или Маху на своих многочисленных лодках, загружали их картофелем и торговали им в портах Финляндии. Это было весьма доходное предприятие. Жители побережья Эстонии и Финляндии довольно

тесно общались между собой круглый год [9. С. 226–229]. Записи воспоминаний некоторых уроженцев острова Тютарсаари хранятся в архиве Финского литературного общества, где я их прослушала [5; 22]. Результатом тесного общения стало заимствование друг у друга диалектных слов и форм. Например, пожилые финны использовали эстонское диалектное слово *tuhli* в значении ‘картофель’; в финском же литературном языке это – *perunat*. Финны умели говорить и по-эстонски, даже в пожилом возрасте они еще помнили некоторые эстонские песни.

«Дружеская торговля» продолжалась многие столетия и прервалась в 1939 г. Начиная с 2000-го были попытки возродить старую традицию, и время от времени то в Эстонии, то в Финляндии проводятся дружеские ярмарки.

Раньше жители побережья каждое лето отправлялись к южному берегу и островам Финляндии на рыбную ловлю, поскольку рыбы там было больше, чем у эстонских берегов. Первые дошедшие до нас сведения об этом относятся к XVI в. На рыбную ловлю отправлялись также весной и осенью, с собой брали жен, которые там же солили рыбу на зиму. Поддерживались контакты с определенными местами в Финляндии. Важнейшую роль играли маленькие острова вдоль побережья между Хельсинки и Ловийса. Самые восточные места лова входили в архипелаг Хаапасаари, куда из Вийнисту по воде было примерно 110 км. В кон. XIX в. походы за рыбой в Финляндию сократились и практически прекратились в начале Первой мировой войны.

Через залив плавали и с другими целями. Столетиями между поморцами Эстонии и Финляндии велась контрабандная торговля. В XIX в. интенсивно торговали солью; она ввозилась в Эстонию из Финляндии, поскольку была там качественнее и дешевле. Контрабанда соли продолжалась до кон. XIX в.; за ней последовал контрабандный ввоз спирта. Когда в 1919 г. в Финляндии был принят закон о запрете торговли алкогольными напитками, у эстонских поморцев появились особенно хорошие возможности заработать. Преимущество жителей Вийнисту и Тапурла состояло в том, что у них уже были контакты с островами и островитянами Финляндии. Контрабанда спирта продолжалась до 1939 года.

Оживленные связи между эстонцами и финнами вели к заключению смешанных браков и здесь, и по ту сторону Финского залива.

В результате тесных взаимоотношений воспринимались друг от друга и элементы народной культуры. На рассматриваемой территории вошли в употребление и многие предметы, заимствованные вместе с их названиями. В 1920-е гг. появились здесь финские сани *potka ~ potku ~ potkur* < ф. *potkuri*; *potkakelk ~ potk(u)kelk* < ф. *potkukelkka*. Карманный фонарик именуется здесь *sähkũ ~ sähku* < ф. *sähkö*, а также *sähkülamp* < ф. *sähkölampu*.

В разные времена на северном побережье Эстонии селились финны. Так было, например, в XVII в. Особенно много финнов переселилось сюда после Северной войны [1; 2]. В результате опустошительных походов российского войска во время Северной войны и после эпидемии чумы (1710–1711) деревни опустели.

Архивные данные свидетельствуют: «В прибрежные деревни прибывают новые жители в большинстве своем из Финляндии, особенно из ее южных районов, которые тогда находились еще под властью Швеции. Эти финны в основном уроженцы Уусимааской и Выборгской провинций» [20. С. 86; 1].

На основе картотеки диалектной лексики Института эстонского языка составлен «*Väike murdesõnastik*» [«Краткий диалектный словарь», первая часть (A–L) опубликована в 1982 г., вторая (M–Ü) – в 1989 г.], всего же он включает 73 397 словарных статей. На основе введенного в ЭВМ материала исследовались лексические связи эстонских диалектов и распространенность диалектных слов.

Своеобразна лексика на окраинных территориях; в центральных же районах она более стереотипна. В северо-восточном прибрежном диалекте Эстонии есть 7 112 слова, которые встречаются только в нем и нигде более, составляя 20 % от общего количества слов, употребляемых в Северной Эстонии. В западных говорах северо-восточного прибрежного диалекта (Йыэляхтме, Куусалу, Хальяла) встречается 2 869 таких слов. Больше всего слов, зафиксированных только в одном из говоров – 5 567. А большую их часть составляют слова, употребляемые только на побережье в Куусалу – 2 261 (в «Кратком диалектном словаре» лексика прибрежного говора Куусалу тоже представлена лучше остальных диалектов – 12 552 слова). Куусалуский прибрежный говор очень своеобразен: его лексику лингвисты охотно записывали на магнитофонную ленту.

По данным Х. Рятсепа [12. С. 74], финские заимствования стали появляться в эстонском литературном языке с кон. XIX в. Это примерно 800 заимствованных слов, большей частью – производных заимствований, корни которых в эстонском языке уже существовали.

Очевидно, еще больше финских заимствований в северо-восточном прибрежном диалекте, куда они попали гораздо раньше. Особенно много их в говорах Куусалу и Вайвара. К финским заимствованиям в прибрежном диалекте мы относим слова с узким ареалом распространения, имеющие соответствия в финском языке. По мнению лингвистов, языковые явления на большей части рассматриваемого диалектного ареала не объяснимы только заимствованием.

В прибрежном диалекте есть финские заимствования, повсеместно распространенные в финском языке, например: *makkara* (Куусалу) ‘колбаса’ < ф. *makkara*; *ahker* (Куусалу, Хальяла) ‘усердный старательный’ < ф. *ahkera*; *harmitama* (Куусалу, Хальяла) ‘огорчать, огорчаться’ < ф. *harmittaa*; *viegas* (Куусалу, Виру-Нигула) ‘двуличный, хитрый’ < ф. *viekas*. С. Сухонен [16. С. 457] считает, что только в говоре Куусалу среди известных слов финских заимствований сотни: *hiuga* ‘мало’ < ф. *hiukan*; *hile* ‘наст, тонкая ледяная корка’ < ф. *hile*. Можно добавить *huhu* ‘сплетня’ < ф. *huhu*; *höürimä* ‘заговариваться’ < ф. *höyriä*; *usejast(i)* ‘много’ < ф. *useasti* ‘часто; много раз’; *tiuga* ‘натянуто; узко’ < ф. *tiukka* ‘накрепко; натянуто’; *mürsk(ü)* ‘шторм’ < ф. *myrsky*; *üldümä* ‘усиливаться (о ветре)’ < ф. *yltyä* ‘то же; ускоряться; обостряться’.

Все же заимствования могут иметь более широкое распространение и употребляться в соседних говорах, например: *taivutama* (Куусалу, Хальяла, Йыэляхтме – центральный диалект, Куусалу – центральный диалект, Кадрина) ‘выгибать’ < ф. *taivuttaa*; *sumu*, -o (Йыэляхтме, Куусалу, Хальяла, Вайвара) ‘туман’ < ф. *sumu*; *vaanima* (Йыэляхтме, Куусалу, Хальяла, Юри, Йыэляхтме – центральный диалект, Куусалу – центральный диалект) ‘разведывать, подглядывать’ < ф. *vaania*; *taibuma* (Куусалу, Хальяла, Виру-Нигула, Люганусе,

Йыхви, Куусалу – центральный диалект, Кадрина) ‘изгибаться, гнуться’ < ф. *taipua* ‘то же; сдаваться, соглашаться; склоняться’*.

Есть слова, которые получили распространение в финских диалектах лишь на ограниченной территории: *sievimä* ~ *sievima* ‘придти в себя’ < ф. (в Южной Карелии, в ареале финских юго-восточных диалектов) *sievitä* ‘очнуться ото сна; встряхнуться’. Прочными были контакты с островами Финского залива: Лавансаари, Тютарсаари и Суурсаари. По мнению лингвистов, тесные контакты связывали Кюменлааксо и Уусимаа с ареалом северо-восточного прибрежного диалекта.

Сегодня местные жители часто уже не помнят значений диалектных слов. Такие слова встречаются в произведениях фольклора, а также в составе топонимов. Первичные их значения местными жителями забыто. Среди топонимов северного побережья Эстонии есть финские заимствования, до сих пор мало исследованные. Их происхождение позволяет выявить сопоставление с финским языком. В говоре Куусалу в качестве топонима встречаем название ландшафтной формы *Räimigu* ~ *Räimiku* ‘сенокос, луг; поле’, *Räimiko* ‘сенокос, луг’, которое обнаруживается и в составе топонима *Räimiku mets* (лес), *Räimiku org* (овраг), *Räimiku soo* (болото). Это название можно объединить с финским апеллятивом *rämeikkö* ‘болотистая местность, где произрастают и хилые деревца’. Слово известно также в карельском *räme(jikkö)* ‘скудный лес’ [14. С. 125] и вепсском языках: *rämik*, *rämegišt* ‘болотино’ [23. С. 489]; в говоре Куусалу на побережье Колга *räimik* ‘влажный луг, лесной луг с редкими деревьями’ [см. подробнее: 7. С. 318].

Особенно много общих с финским языком слов, кроме говора прибрежных селений Куусалу, встречается в говоре бывшего прихода Вайвара. Таких слов, которые обнаруживаются только в говоре Вайвара и нигде больше, в «Кратком диалектном словаре» представлено 686. Вайвара на протяжении веков неоднократно становилась ареной военных действий. Существует гипотеза, что говор не раз опустошенного Вайвара появился относительно поздно и принесли его с собой новые поселенцы, прибывавшие с севера или с северо-востока [11. С. 96; 13. С. 109].

В восточной части прихода Вайвара говор контактировал с другими прибалтийско-финскими языками: ижорским, финским (говоры Калливере, Куллакюла) и водским. В говоре Вайвара и водском языке не только возникли общие фонетические и морфологические черты, но встречается и общая с водским языком лексика. О тесных контактах между рассматриваемым говором и финским языком свидетельствуют и многочисленные финские заимствования. Среди них есть слова, которые, в свою очередь, попали в финский язык из шведского. П. Аристэ [3. С. 57] считает финскими заимствованиями в говоре Вайвара следующие слова (правда, по данным диалектной картотеки Института эстонского языка, некоторые из них имеют более широкое распространение, чем Вайвара): *ketju* (*ketjo*) ‘цепь, цепочка’ < ф. *ketju*; *krabu* (*krabo*) ‘рак’ < ф. *krapu*; *kuritama* ‘угрожать’ Куусалу, Вайвара <

* Анализ фонетических и морфологических особенностей и лексики показал, что когда-то ареал северо-восточных говоров простирался несколько дальше на юг. В него входили также говоры центрального диалекта Йыэляхтме, Куусалу и Хальяла. Вполне вероятно, что северная часть прихода Кадрина ранее тоже относилась к ареалу северо-восточного прибрежного диалекта. Под натиском центрального диалекта и литературного языка северо-восточному прибрежному диалекту пришлось отступить.

ф. *kurittaa* ‘наказывать, вынюхивать, угрожать’; *porstuba* Хальяла, Виру-Нигула, Йыхви, Вайвара, Симуна ‘прихожая’ < ф. *porstupa* ‘передняя’. По мнению П. Аристэ, иногда трудно установить, попало ли слово в говор Вайвара из финского, ижорского или даже водского языка, например: *kukkane* ‘цветок’ < ф. *kukkane(n)* ‘то же; игрушка’, иж. *kukkane*. Слово *kangane* Люганусе, Йыхви, Ийзаку (по данным П. Аристэ, и говор Вайвара) ‘льняной’ известно также в ингерманландско-финском диалекте Эстонской Ингерманландии, водском и ижорском языках.

В северо-восточном прибрежном диалекте есть и русские заимствования. Больше всего их в северо-восточном диалекте. И сегодня употребляются *messuk, messok* ‘(маленький) мешок; сверток, кошелка’ < рус. *мешок*. Заимствования восприняты от русских, проживавших на северном побережье и работавших на таможне или служивших на границе, например: *matriitel* ‘смотритель берегового маяка’ < рус. *смотритель*; *pritsaala* ‘лодочный причал’ [см. тоже: 8. С. 124–125]. В южной части прихода Вайвара – на берегу реки Наровы и на побережье Чудского озера – проживало много русских, там встречались деревни полностью с русским населением. Многие названия частей невода и наименования, связанные с рыбной ловлей и неводом, заимствованы из русского языка, например: *pada-votsik* ‘подавшик, кто подает прислуживает при работе; забрасывающий невод’. Русские рыбаки в старину добирались ловить рыбу до островов Западной Эстонии.

Подытоживая состояние северо-восточного прибрежного диалекта, еще в 1983 г. М. Муст [6. С. 89] заметила, что большие сдвиги и изменения коснулись лексики в целом. Идет процесс постепенной замены старых диалектных слов и выражений более близкими к общенародному языку, как в говоре Куусалу, например: (старое) *valatama* ‘смотреть’, (новое) *vahtima* ‘то же’.

Сегодня прибрежные деревни опустели, коренное население малочисленное, жизнь бьет ключом только в летнее время.

В наши дни большинство финских заимствований уже вышло из обихода, но некоторые из них и сегодня употребляют представители среднего и даже младшего поколения местных жителей, например: *noukida* (Йыэляхтме, Куусалу, Хальяла, Виру-Нигула, Юри, Кадрина) ‘собирать (о ягодах)’ < ф. *noukkia*: *Ei mina viitsi neid noukida* ‘Да не хочется мне ее собирать’ (о чернике). Активно используются некоторые поздние финские заимствования, например: *potku, sähku*. Снежной зимой *potku* ~ *potkur* ‘финские сани’ как необходимое в прибрежных деревнях средство передвижения. Удивительно, что в активе разновозрастных жителей оказалось слово *vaanima*. Представители среднего поколения активно употребляют, наряду с перечисленными, лишь единичные слова: *sumu, taibuma, müirsku*. Старшее поколение знает больше диалектных слов, чем остальные [7. С. 319].

Итак, можно сделать вывод, что с течением времени на исконную основу северо-восточного прибрежного диалекта в результате тесных контактов с соседними народами наслонилось довольно много различных влияний со стороны всех соседних языков, в результате чего сложилась та своеобразная языковая форма, которую мы наблюдаем сегодня.

Для сохранения прибрежного диалекта создано некоммерческое общество Rohiranna, действующее в прибрежных деревнях Куусалу, с центром в Леэси. Общество организует в Народном доме Леэси семинары, посвященные языку и культуре; разговорные комнаты для носителей прибрежного диалекта, которые

в большей или меньшей мере владеют языком (в прибрежных деревнях их около 40 человек). Предполагается небольшой группой приступить к составлению диалектного словаря Куусалу (примерно 6 000–7 000 словарных статей), чтобы способствовало сохранению и употреблению прибрежного диалекта.

СОКРАЩЕНИЯ

ЕАА – Eesti Ajalooarhiiv, иж. – ижорский, mlk – maalaiskunta, рус. – русский язык, SKSÄ – Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kansanrunousarkiston äänitearkisto, ф. – финский язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ЕАА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 466: Specification derer Findschen Bauren, welche sich unter Meine Güther Kolck, Kida und Kondo am Heutigen Dato alß d. 19. September 1732 befinden.
2. ЕАА. Ф. 1864. Оп. 2. Д. IV-1: Neljas hingerevisjon 1782. aasta Jõelähtme, Harju-Jaani, Kuusalu, Jüri, Kose, Rapla kihelkond.
3. *Ariste P.* Keelekontaktid. Eesti keele kontakte teiste keeltega. Tallinn, 1981. 168 lk. (Eesti NSV Teaduste Akadeemia Emakeele Seltsi Toimetised. 14).
4. *Björklöf S.* Viron rantamurteen länsiryhmän sanaston alkuperä suomalaislainojen valossa // https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/.../bjorklof_progradu.pdf?...1.
5. *Holstein U.* Haapasaari SKSÄ 108, 1966.
6. *Must M.* Kirderannikumurde tänapäev // Emakeele Seltsi aastaraamat 26–27, 1980–1981. Tallinn: Eesti Raamat, 1983. Lk. 77–89.
7. *Норвик П.* О лексических отношениях эстонского прибрежного диалекта и финского языка // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010. Pars V. Dissertationes sectionum et symposiorum ad linguisticam. Piliscsaba, 2011. C. 314–321.
8. *Norvik P.* Die lexikalischen Einflüsse der Nachbarsprachen in den Mundarten Nord-estlands // Konfrontation und Identifikation. Die finnisch-ugrischen Sprachen und Völker im europäischen Kontext. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002. S. 117–126. (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd. 59).
9. *Peltola S.* Suursaari menneinä aikoina. Helsinki, 1960. 408 s.
10. *Raukko J., Östman J.-O.* Pragmaattinen näkökulma Itämeren kielialueeseen // University of Helsinki Department of General Linguistics. Publications. No. 25. Helsinki, 1994. 72 lk.
11. *Raun A., Saareste A.* Introduction to Estonian linguistics. Otto Harrassowitz: Wiesbaden, 1965. 123 p. (Ural-Altaische Bibliothek. XII).
12. *Rätsep H.* Eesti kirjakeele tüvevara päritolu // Sõnaloo raamat. Tartu: Ilmamaa, 2002. Lk. 59–77.
13. *Saareste A.* Kaunis emakeel. Vesteid eesti keele elust-olust. Lund: Eesti Kirjanike Kooperatiiv, 1952. 129 lk.
14. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja 3. Helsinki, 2000. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 556. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 62).
15. *Suhonen S.* Über die Beziehungen zwischen dem Finnischen und den estnischen Küstendialekten // Münchener Universitäts-Schriften. Bd. 3. München: Hg. von G. Ganschow, 1979. S. 357–366.
16. *Suhonen S.* Viron rantamurteiden suomalaislainat // Virittäjä. Vol. 3. 1997. S. 456–461.
17. *Söderman T.* Lexical Characteristics of the Estonian North Eastern Coastal Dialect // Studia Uralica Upsaliensia 24. Uppsala, 1996. 184 p.

18. Zetterberg S. Eesti ajalugu. Tallinn: Tänapäev, 2009. 671 lk.
19. Toikka K. Kirderannikumurde idaosa murde- ja keelekontaktid. Tallinn: TPÜ Kirjastus, 2003. 137 lk.
20. Vilbaste G. Kohanimed Loksa rajooni lääneosas (endises Kuusalu kihelkonnas). Peatükk asustasajaloost (Рукопись хранится в диалектном архиве Института эстонского языка.) Tallinn, 1956.
21. Vilkuna K. Suomalais-virolainen sepralaitos // Kotiseutu. 1964. Vol. 1. S. 6–19.
22. Yrjönen H. M. Porvoo mlk SKSÄ 253–256, 1967.
23. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Академия наук СССР. Карельский филиал. Институт языка, литературы и истории. Ленинград: Наука, 1972.

Поступила в редакцию 26.12.2014

P. Norvik

Lexical Relations between the Estonian Coastal Dialect and Neighboring Languages

Estonian dialects are divided into North Estonian and South Estonian dialects. The third main dialect, the Northeastern Coastal dialect, is composed of the patois spread along a narrow strip of the northern coast of Estonia. Those patois fall into Coastal Estonian and Northeastern Estonian dialects. It can be seen that the Northeastern Coastal dialect has retained numerous old traits as well as traces of Finnish influence. The Estonian coast-dwellers have had close relations with some islands of the Gulf of Finland (Lavansaari, Tytärsaari, Suursaari) as well as with the Southern coast of Finland and the islands nearby. Various periods in history have brought settlers from Finland.

The author focuses on the western part of the Coastal dialect, whence she has personally collected material from 1993–2003, and researched their lexical relations with Finnish. In addition, she discusses the influence of neighbouring languages on the lexicon of Vaivara patois. For example, the coastal patois of Kuusalu and Vaivara appear to be particularly rich in Finnish loans. Many coastal words are shared with the Southeastern dialects of Finnish and the Kymenlaakso dialect group, while some are shared with other Finnish dialects. In the Northeastern Coastal dialect Russian loanwords are also present and in the Northeastern dialect there are shared words with the Votic language.

In the 21st century, the local idiom is on its way out; only a few traits can still be discerned.

Keywords: lexicology, language contacts, dialect areas, Estonian dialects, Finnish loanwords, Russian loanwords.

Норвик Пирет,

Магистр искусств

13623, Эстония, г. Таллинн, ул. Я. Коорти, 6

E-mail: Piret.Norvik@gmail.com

Norvik Piret,

Master of Arts

13623, Estonia, Tallinn, J. Koorti, 6

E-mail: Piret.Norvik@gmail.com